

8 марта 2019 года
Выпуск № 10 (481)

Еженедельная приходская стенгазета

Православие и мир

**Неделя сыропустная. Масленица.
Воспоминание Адамова изгнания.
Прощеное воскресенье**

Фото www.orthphoto.net

Масленая неделя, Масленица – просторечное название Сырной седмицы – последней перед Великим постом недели. Масленица – это сплошная неделя, отменяется пост в среду и пятницу.

На Руси масленица отмечалась как радостный праздник. При слове «масленица» в памяти встают картины веселых зимних дней, наполненных гамом и шумом, вкусными запахами блинов, перезвоном колокольчиков, украшавших нарядные тройки. Сияющие на солнце купола церквей, горящие, как жар, медные самовары, гуляния, балаганы и чинные чаепития под праздничным огоньком лампадки у образов.

Достаточно распространено мнение, что масленица – это праздник (или обычай) скорее языческий, а не православный. Это не совсем так.

Эта подготовительная неделя к Великому посту посвящена в христианском смысле одной цели – примирению с ближними,

прощению обид, подготовке к покаянному пути к Богу – в этом христианская составляющая масленицы. Масленица – это время, которое нужно посвятить доброму общению с ближними, родными, друзьями, благотворению.

Церковь призывает помнить, что ни в какое время не стоит веселиться, теряя голову и совесть.

Последнее воскресенье перед началом Великого поста называется Церковью Неделей сыропустной (именно в этот день заканчивается употребление в пищу молочных продуктов) или Прощеным воскресеньем.

В этот день после вечернего богослужения в храмах совершается особый чин прощения, когда священнослужители и прихожане взаимно просят друг у друга прощения, чтобы вступить в Великий пост с чистой душой, примирившись со всеми ближними.

www.pravmir.ru

Евангельское чтение

Слова Господа о посте (Мф. 6:14–21)

Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших.

Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры, ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою.

А ты, когда постишься, помажь голову

твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровища ваши, там будет и сердце ваше.

Проповедь на Евангельское чтение

Митрополит Сурожский Антоний

У преддверия светлого, животворящего Поста мы вспоминаем изгнание адамово из рая, трагический момент, когда человек разобщился с Богом, потерял животворящее единство с Ним и остался один на земле. Как пишет один западный богослов, повернувшись спиной к Богу, человек оказался без Бога, и ничего не осталось ему, как только умереть, потому что только в Боге, только в живом общении с Ним – та жизнь, которой ничто не может отнять, Божественная жизнь, бьющая ключом в человеке. Мы вспоминаем этот день, и как бы глубоко мы ни вдумывались в это страшное событие, когда в лице Адама всё человечество осиротело страшным, смертоносным сиротством, мы всё же не можем так его пережить, как пережил человек, который до того всецело жил с Богом, всецело с Ним общался, для которого Бог был жизнью, и радостью, и раем.

Не можем мы так же пережить эту осиротелость, как переживают ее святые, которые хоть краем души или глубинами своего существа прикоснулись Божественной жизни, приобщились Богу и, однако, находятся в этом мире одиночества, в этом мире, где качественная смерть, потому что человек отпал от Бога.

И хочется мне сегодня прочесть вам несколько строк, написанных старцем Силуаном, который так глубоко переживал и свою живую, животворящую встречу с Богом, и трагедию человеческого сиротства:

«Скучает душа моя о Господе, и слезно ищущу Его. Как мне Тебя не искать? Ты прежде разыскал меня и дал мне насладиться Духом Твоим Святым, и душа моя возлюбила Тебя. Ты видишь, Господи, печаль мою и слезы: если бы Ты не привлек меня Своей любовью, то не искал бы я Тебя так, как ищущу. Но Дух ►

Твой дал мне познать Тебя, и радуется душа моя, что Ты – мой Бог и Господь, и до слез скучаю я по Тебе.

Скучает душа моя о Боге, и слезно ищет Его. Милостивый Господи, Ты видишь падение мое и скорбь мою! Но смиренно прошу Твою милость: излей на меня, грешного, благодать Твоего Святого Духа. Память о ней влечет мой ум снова найти Твое милосердие. Господи, дай мне смиренного духа Твоего, дабы снова я не потерял бы Твою благодать, и не стал бы рыдать о ней, как рыдал Адам о рае и о Боге...»

В жизни каждого из нас бывает дивное мгновение – иногда единственное, иногда повторяющееся, – когда вдруг Бог станет так близок, когда оживет душа, когда встрепенется сердце, когда ум станет глубок и тих, как глубокое, невозмущенное озеро, когда всем существом своим мы чувствуем, что мы ожили, и что мы можем жить в Боге, жить вовек.

Каждому из нас надо войти в себя, погрузиться в самую свою глубь в поисках этого или этих мгновений, и вновь их пережить со всей силой, на которую мы способны, и тогда взглянуть на то, что значит наше отпадение от Бога, от жизни. И только тогда сможем мы дрогнуть сердцем, дрогнуть всем существом своим от ужаса и боли нашего сиротства и нашей измены. Бог верен – неверны только мы.

Встрепенемся же напоследок сегодня, когда вечером мы приступим к Богу в обряде прощения, прося Его нас простить, прося Его нас принять, как отец принял блудного сына – без одного слова упрёка, только со слезами жалости о нас и со слезами радости о том, что мы к Нему возвращаемся покаянием, сильной любовью и намерением из всех сил остаться Ему верными до конца.

Когда будем подходить сегодня и поклоняться иконе Спасителя и Божией Матери,

Нагорная проповедь.

Роспись в Богоявленском

Красносельском храме Костромы

помолимся, чтобы примирил нас Господь с Собой, чтобы дал Он нам вновь ожить. И поклоняясь Божией Матери, вспомним, что наш грех: и общий человеческий грех, и наш общинный грех, и мой частный грех были причиной и ужаса Гефсиманского сада, и крестной смерти Спасителя, и Богооставленности Его на кресте, и сошествия во ад, и воскликнем Ей: О, Матерь! Прости! Если Ты нам простишь это, то никакая сила не сможет нас осудить...

И войдем в пост прощенными и благословенными Божией Матерью, прощенными и принятыми Богом нашим и Отцом ради крестной любви Сына Единородного, отдавшего Свою жизнь и Свою смерть за нас. И вступим в этот пост не с горечью, а с радостью. Потому что Пост – это весна духовная, это время, когда мы можем ожить, это наше восхождение к святой, животворящей, дивной Пасхе Господней, которая предвозвещает нам всеконечную Пасху, победу Божию, жизнь вечную, торжество Духа Святого в нас и радость нескончаемую. Аминь.

www.mitras.ru

Прощеное воскресенье – «Что осудили в другом – есть в нас»

Священник Сергей Круглов

Вот и масленица рыжим блином к концу катится, вот и Прощеное воскресенье...

Критику того, что происходит в храме в этот день вечером, приходилось слышать неоднократно от разных людей. Чин прощения, все облачения уже постовые, темные, священники с амвона земно кланяются народу, народ плачет, подходит ко кресту: «Прости меня! – Бог простит, и я прощаю!» Критики фыркают: да половины этих людей в иные дни нет в храме, просят прощения люди, вовсе порой между собой не знакомые, лучше бы без рекламы, тайно просили прощения у тех, кому действительно причинили обиду, выдавливают из себя слезы, а завтра снова начнут собачиться, зачем этот обряд, напоминающий карнавал... Вроде бы правда всё это, но... ПРАВДА ли это? Или правдоподобие, которым так любит оперировать нечистый дух, чтобы заморочить человеку голову и сердце?

Нет, Прощеное воскресенье – вовсе не карнавал. Чином прощения Церковь напоминает, из года в год, христианам про очень важные вещи... Не просто про то, что вот, мол, положено прощать – напоминает про сам механизм действия в человеке этих важнейших процессов, прощения и осуждения.

Да-да, именно осуждения, которое прощению противостоит. Видя в другом грех и осуждая его, даже при этом имея в виду, что осуждаем-то вроде бы именно грех, а не самого его носителя, мы забываем: если бы этого греха не было в НАС самих – мы бы его не видели. То, что осудили в другом – есть в нас. Заноза в глазу ближнего и бревно в собственном

глазу – древесина одного и того же дерева. Про это говорят не только святые отцы и психологи, но давно и по-простому говорит народ: «рыбак рыбака видит издалека».

Осуждение – своего рода негативный, болезненный, но повод познать самих себя. Прося прощения друг у друга, мы имеем возможность сказать этим Богу: «Вот, Господи, у меня и у него – множество грехов, множество навязано внутри нас болочих узлов... Мы, прося взаимно прощения, хотели бы, чтоб их не было, и не суть важно, какие они и откуда взялись, лишь бы наконец исчезли без следа... Прости же и Ты нас, прости меня, мой грех, который я увидел в ближнем своем, с этим ближним я связан незримым и прочным родством Твоего закона любви!..»

Грешник видит в ближнем грех, святой в нем же видит – святыню... Именно как святыню принимали людей преподобные подвижники от древности до наших дней, вспомним все писанные и устные рассказы о них... Святыню порой поруганную – но не переставшую быть святыней. Грех в человеке они видели – но в себе этот грех с Божьей помощью победили, потому обличали грехи ►

бескомпромиссно, но не осуждали, а молитвенно оплакивали и жалели болящее чадо Божие – и этой любовью помогали грешнику исцелиться.

Так что скепсис тех, кто взирает на обычаи Церкви со стороны, внешне, понять я в принципе могу – принять не могу. Цинично усмехаясь по поводу слов «Бог простит –

и я прощаю», они совершенно не понимают, о чем речь. Чтобы понять – надо захотеть подойти ко Христу поближе, надо в молчании и внимании самому войти в Его Церковь и прикоснуться к ее таинствам, а со стороны – не поймешь ничего. Не только в Церкви – в себе самом...

Несмотря на то, что в этот день в храме все плачут, день-то этот для нас – радостный. И ощутить правоту и радость простых слов: «Прости меня» может в Прощеное воскресенье именно тот, для кого вообще Воскресенье Христово значит что-то неизмеримо важное.

*Публикуется
в сокращении
www.pravmir.ru*

Великий пост – это не время, когда чего-то нельзя

«Что нельзя в пост? Что можно?», – наверное, каждый священник получает множество таких вопросов перед Великим постом.

Насколько важны эти «можно-нельзя», насколько значимы в понимании и переживании поста? Размышляет протоиерей Алексей Уминский.

Вопрос в том, насколько Великий пост или вообще пост становится для нас чем-то особенным в жизни. Потому что здесь то же, что происходит с нашей исповедью, с празднованием и чувствованием церковных дней. Это нужно осмыслять не просто как некий период в жизни человека, а как наши личные переживания того, что происходит в Церкви, как происходит каждодневная богослужебная жизнь, богослужебный круг.

Это все наполнено глубокими, величайшими смыслами, которые раскрываются для человека как бесконечная книга. Каждый год – одни и те же праздники, казалось бы. Одно и то же Рождество, одно и то же Крещение, и Пасха повторяется каждый год... Но церковный круг – это такая совершенно не прочитанная книга, в которую обязательно надо глубоко вживаться, вчитываться, она меняется для человека с его духовным ростом.

Если этого духовного роста нет, если просто происходит это хождение по кругу только потому, что «так положено», то нет переживаний ни поста, ни праздника, ни радости. Самая большая радость получается – это когда кончился пост и можно что-то запретное съесть. Тогда прокричали три раза «Христос Воскресе!» и благополучно пошли разговляться и радоваться, что теперь уже и солнышко светит, и телевизор можно включить, и так далее.

Не христианский вопрос

Пост – это в принципе не время, когда что-то нельзя. Вопрос, что можно в пост, а что нельзя – самый, как мне кажется, бессмысленный. Потому что христианство, Евангелие и наша жизнь в Боге, – все это не строится по принципу «можно – нельзя». Я как-то на одной лекции миссионеров сказал, что «можно-нельзя» – это не про нас. Был такой шквал удивления: «Как же так, батюшка? Значит, можно грешить?».

Я отвечаю: «Нет, грешить нельзя, но понятие “нельзя” и “грех” – это разные понятия. Если мы будем говорить, что “зло” – это “нельзя”, а “добро” – это “можно”, тогда слово “добро” лишается смысла. Если добро можно делать, а зло делать нельзя, тогда слово “добро” лишается смысла. Разве к добру можно применить слово “можно”? Можно я сделаю добрый поступок?». Тогда мои слушатели говорят: «Добро – нужно делать». «И это нет! – отвечаю я. – Нельзя сказать: «Нужно делать добро», – это тоже лишает смысла слово «добро». Добро не нуждается в «нужно», понимаете? Так же, как и в «можно».

Так же и вся наша христианская жизнь теряет смысл, если она будет строиться по парадигме «что можно, а что нельзя?».

«Батюшка, а можно нам то-то и то-то?», – это вопрос, который чаще всего задается священнику. «Вы нам, батюшка, скажите, что ►

можно, а что нельзя? Чтобы мы не стали лишний раз думать и не сделали какую-нибудь оплошность». Если же человек сделал то, чего «нельзя» делать, он воспринимает для себя это как расстрел.

Неужели ты что-то не делаешь, потому что нельзя? Неужели ты не убиваешь, потому что убивать нельзя? А если было бы можно убивать, ты бы убивал? Или ты не ворующь, потому что нельзя воровать? А если было бы можно воровать, ты бы воровал? А вот в Голландии можно курить марихуану и потому, что там можно, ты пойдешь ее курить марихуану, если будешь проходить где-нибудь мимо кофешопа в Амстердаме? Значит, это уже можно? Разве так складывается наша жизнь, наше отношение с такими понятиями, как добро и зло, как любовь и ненависть, как помощь и отказ в этой помощи?

Если мы вдруг задумаемся об этом, то становится бессмысленна наша вера. Если мы всегда говорим «можно – нельзя» в рамках христианства, тогда вообще Христос уже не нужен. А если нет этих «можно – нельзя», то тогда открывается пространство для общения с Богом, для твоего понимания, что такое добро и что такое зло, твоего понимания самого себя, что в тебе это добро, которое стремится к Богу, что в тебе это зло, о котором апостол Павел сказал: «Бедный я человек, носящий это тело смерти! Что хочу

делать – не получается, а что не хочу – оно само собой выходит».

То же самое во время поста! Ведь пост – это не время «можно – нельзя». Если пост низводится до этого понимания, то нет никакого поста, нет никакого пути, нет никакой встречи с Богом, нет никакой радости от поста, нет никакого переживания того, что ты сейчас в этот момент можешь... Как написано в Евангелии, которое читается перед постом: «*А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно*».

Публикуется в сокращении
www.pravmir.ru

Благотворительный фонд «ПРАВМИР»

Поддержите людей, которым нужна помощь: отправьте sms на номер 8916 со словом ПРАВМИР и суммой пожертвования

www.fondpravmir.ru

**Подготовлено совместно
с Синодальным информационным отделом
Русской Православной Церкви**

«Православие и мир» – ежедневно о том,
как быть православным христианином сегодня.

Редакторы: Мария Азизян, Анна Данилова
Корректор: Екатерина Сысина
Макет: Сергей Амiantoв
Верстка: Александр Архипцов

Адрес в интернете: www.pravmir.ru
Электронная почта: gazeta@pravmir.ru